

ственного гостя раскрыла в своих позднейших воспоминаниях дочь писателя. Она пишет, что к ее больному отцу явилась его родная сестра Вера Михайловна Иванова, у которой с Достоевским были давние споры из-за наследства их тетки Куманиной. И здесь, в последние его дни, явно укоротив их; взяла его за горло проблема денег, которая преследовала и терзала писателя всю его жизнь. Вот и в день его похорон на Невском продавался вышедший только что, свежий, датированный 1881 годом выпуск «Дневника писателя», которого автор так и не подержал в руках, и первым в нем было слово «финансы». «Неужели и я экономист, финансист?» — с горькой иронией восклицает творец «Братьев Карамазовых».

После исповеди и причастия больной успокоился, благословил детей и жену, поблагодарил ее за прожитые с ним годы. «Я стояла ни жива ни мертва, не имея силы сказать что-нибудь в ответ». А он был спокоен, тихо спал всю ночь, а на другой день с живым интересом просмотрел присланные из типографии листки «Дневника писателя» — того самого, который будет продаваться на Невском проспекте в день его похорон.

Последнюю ночь Анна Григорьевна провела в кабинете мужа, на тюфяке, возле его дивана. Около семи часов утра, открыв глаза и приподняв голову, она встретила его внимательный взгляд. Нагнувшись, спросила шепотом, как он себя чувствует, и он также шепотом ответил: «Знаешь, Аня, я уже часа три как не сплю и все думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру». (Достоевский в точности повторил слова своей героини из написанных 20 лет назад «Униженных и оскорбленных» — сцена, когда мать говорит дочери: «Я сегодня умру, Нелли».)

Еще Федор Михайлович сказал Анне Григорьевне, что всегда горячо любил ее и никогда не изменял, даже мысленно.

В ответ она принялась успокаивать его, но он в успокоении не нуждался. «По умиротворенному лицу было ясно видно, что мысль о смерти не покидает его и что переход в иной мир ему не страшен». Не такая ли смерть и была описана им в «Сне смешного человека»? Старики там «умирали тихо, как бы засыпая, окруженные прощавшимися с ними людьми, благословляя их, улыбаясь им...».

Весть о болезни писателя просочилась в газеты. Считанные часы оставалось жить ему, когда «Новое время» вышло с помещенной на первой странице информацией о том, что Достоевский «сильно занемог вечером 26 января и лежит в постели». И дальше: «Люди, еще так недавно

**Ф.М. Достоевский
на смертном одре.
Художник
И.Н.Крамской.
29 января 1881 г.**

попрекавшие его тем, что он слишком часто принимает овации на публичных чтениях, могут теперь успокоиться: публика услышит его не скоро».

Петербург всполошился. «Приходили узнавать о здоровье знакомые и незнакомые, приносили сочувственные письма, присылались телеграммы, — вспоминала позже Анна Григорьевна. — К больному запрещено было кого-либо допускать, а я только на две-три минуты выходила, чтоб сообщить о положении здоровья».

Пришло письмо с нарочным от графини Елизаветы Николаевны Гейден, с которой Достоевский состоял в давних дружеских отношениях и которая в эти дни как раз сама расхворалась. «Сейчас поражена была прочитанным в газетах известием о тяжелой болезни Федора Михайловича! Страшно, я все о нем думала эти дни... Дня через два вырвусь, но до тех пор, скажите, Бога ради, не нужно ли вам кого-нибудь, чего-нибудь? Хорошего врача, моего преданнейшего друга? сестру для ухода? или что или кого? Если у вас есть бюллетень, пришлите...»

Бюллетеня не было, но Достоевский из последних сил продиктовал его жене — Анна Григорьевна записала его на отдельном листке, последние слова, торопясь и нервничая, стенографическими значками, которые расшифровали уже в середине следующего столетия.

«26-го в легких лопнула артерия и залила наконец легкие. После 1-го припадка последовал другой, уже вечером, с чрезвычайной потерей крови и задушением. С четверть часа Федор Михайлович был в полном убеждении, что умрет; его исповедовали и причастили. Мало-помалу дыхание поправилось, кровь унялась. Но так как порванная жилка не зажила, то кровотечение может начаться опять. И тогда, конечно, вероятна смерть. Теперь же он в полной памяти и в силах, но боится, что опять лопнет артерия».

Это последний текст Федора Достоевского. Через три часа его не стало... А за два часа до конца он в очередной раз позвал детей, попрощался с ними и велел передать Евангелие, с которым не расставался с самой каторги, сыну Федору.

По этому Евангелию он, открывая его как ляжет рука, часто гадал. Вот и в этот день, еще утром, проверяя свое предчувствие, он задал вопрос Святой Книге, и Святая Книга, открывшись на Евангелии от Матфея, ответила ему: «Иоанн же не удерживал его».

Федор Михайлович тотчас переадресовал эти слова жене: «Ты слышишь — «не удерживал» — значит, я умру». И успокоился совершенно.

К вечеру он впал в беспамятство — в этом состоянии его запечатлел литератор Болеслав Маркевич, явившийся справиться о состоянии больного: «Во глубине неказистой, мрачной комнаты, его кабинете, лежал он, одетый, на диване с закинутой на подушку головой. Свет лампы или свеч, не помню, стоявших подле на столике, падал плашмя на белые, как лист бумаги, лоб и щеки и несмытое темно-красное пятно крови на его подбородке. Он не «хрипел», как выразилась его дочь, но дыхание каким-то слабым свистом прорывалось из его горла сквозь судорожно раскрывшиеся губы. Веки были прижмурены как бы таким же механически-судорожным процессом пораженного организма».

Но это была не смерть духа, в которую Достоевский не верил, поскольку верил в Бога — все-таки верил! — а «бессмертие души и Бог, — писал он в феврале 1878 года, — это всё одно и то же, одна и та же идея». Не смерть души, а смерть тела. Всего-навсего...

Мандельштам говорил о Пушкине и Скрябине, что эти двое «явили пример соборной, русской кончины, умерли полной смертью, как живут полной жизнью, их личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы...». Достоевского, по видимому, можно считать третьим. Он полной жизнью жил — хоть и на Семеновском плацу (а во многом и благодаря ему) — и полной смертью умер. Произошло это в тот самый день, что он определил для себя, в восемь часов тридцать восемь минут вечера. Жена до последнего мгновения держала его за руку.

Иллюстрации к статье воспроизведены по книге Ю.Селезнева «Достоевский» с разрешения издательства «Молодая гвардия», которое недавно выпустило ее в серии «Жизнь замечательных людей».